

Тедеева Ульяна Шотаевна

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В СОСТАВЕ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

В статье рассматриваются социальные, экономические и культурные аспекты развития Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской Советской Социалистической Республики. На основе ранее не использованных источников, в том числе и архивных, дается анализ национальной политики грузинских властей в Южной Осетии в годы советского периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/52.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 191-194. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

При проведении аналитики социокультурной трансформации важным аспектом исследования становится выявление причин, породивших эти изменения, или выявление *социокультурной детерминации* данной трансформации. В данном случае необходимо выделить конкретные причины, которые оказали влияние на процессы перехода от одной эпохи культуры к другой. Очевидно, что любое явление действительности всегда детерминировано конкретно-историческими условиями [4; 5]. Анализируя эти условия в целом, мы можем сказать, что они носят социально-экономический характер. В зависимости от того насколько масштабный характер будут иметь эти изменения, мы можем говорить либо о кризисе культуры, либо о социокультурной трансформации. Соответственно, чем масштабнее будут эти социально-экономические изменения, тем масштабнее будет кризис культуры, который и может быть определен как социокультурная трансформация.

Таким образом, аналитика социокультурной трансформации ставит задачу выявления категориально-понятийного аппарата исследования этого явления. Основными понятиями, которые, как нам представляется, должны быть при этом проанализированы, выступают следующие: собственно социокультурная трансформация, кризис культуры, культура, социокультурная детерминация, эллинизм, маньеризм, авангард, постмодерн, динамика культуры.

Список литературы

1. **Тарасов А. Н.** К вопросу о положении искусства в культуре постмодерна // Труды кафедры философии и социально-политических теорий. Липецк: ЛГПУ, 2009. Вып. 15. С. 35-47.
2. **Тарасов А. Н.** К вопросу о соотношении понятий «кризис культуры» и «социокультурная трансформация» // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: материалы международной научно-практической конференции. Курск, 2011. С. 233-235.
3. **Тарасов А. Н.** Постмодернизм как направление и тенденция в развитии современной художественной культуры // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Традиции и инновации в преподавании наук о культуре». СПб.: СПбГУКИ, 2008. С. 147-153.
4. **Тарасов А. Н.** Социально-экономические причины появления постмодернистского типа художественной культуры // Социализация человека в меняющемся мире: материалы региональной научной конференции. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. С. 458-468.
5. **Тарасов А. Н.** Социокультурная детерминация художественной культуры постмодернизма [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. № 3 (15). URL: <http://analiculturolog.ru/>

CATEGORICAL-CONCEPTUAL CONSTRUCT OF SOCIAL-CULTURAL ANALYTICS TRANSFORMATION

Aleksei Nikolaevich Tarasov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Social-Political Theories
Lipetsk State Pedagogical University
alexei1997@yandex.ru

The phenomenon of social-cultural transformation is actively discussed in humanitaristics during the last few years. Nevertheless, there is ambiguity in this notion status, which gives rise to the necessity of identifying the phenomenon evaluation criteria. The author undertakes the attempt to outline the range of the categorical and conceptual fields of social-cultural analytics transformation.

Key words and phrases: social-cultural transformation; culture crisis; culturology analytics; culture; social-cultural determination; Hellenism; mannerism; avant-garde; postmodern; culture dynamics.

УДК 94(479.22)

В статье рассматриваются социальные, экономические и культурные аспекты развития Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской Советской Социалистической Республики. На основе ранее не использованных источников, в том числе и архивных, дается анализ национальной политики грузинских властей в Южной Осетии в годы советского периода.

Ключевые слова и фразы: Советская Грузия; Южная Осетия; политика Грузии; социально-экономическое развитие юга Осетии; национальные меньшинства Грузии; ассимиляция южных осетин; экономическая дискриминация; культурная дискриминация.

Ульяна Шотаевна Тедеева, к.и.н.

Кафедра социально-экономических наук
Северо-Осетинская государственная медицинская академия
Tedeeva76@mail.ru

ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ В СОСТАВЕ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ®

Несмотря на установление Советской власти по всей России в начале XX в. и добрососедских отношений между народами, населяющими ее, грузино-осетинское противостояние, которое началось с конфликтов

грузинских тавадов – князей Мачабели и Эристави Ксанских – с югоосетинским крестьянством в начале XIX в., в скрытой форме продолжалось и в советский период. Антиосетинская политика грузинских властей проявилась как в экономическом, так и в политическом отношении Грузии к югу Осетии.

Известно, что, будучи аграрной, Южная Осетия в 1925-1930 гг. оставалась экономически отсталой. Возникла необходимость в создании основ социалистической промышленности. Однако за весь довоенный период в Южной Осетии не было построено ни одного сколько-нибудь крупного предприятия фабрично-заводской промышленности. И это не удивительно, поскольку на промышленное строительство в Южной Осетии Грузия отпускала мизерные средства. И хотя экономическое положение в регионе становилось не раз предметом обсуждения руководящих органов Грузии, к положительным переменам для области это не приводило. Так, декабрьский (1926 г.) Пленум ЦК КП(б) Грузии вынужден был констатировать: «Если взвесить на всех весах, какие достижения имеются в Осетии (*Южной – авт.*), то нам придется стыдиться» [4, с. 2]. Здесь же было отмечено, что по Грузии на душу населения приходилось по бюджету 9,3 руб., в Абхазии – 5,6 руб., в Аджарии – 7,3 руб., а в Южной Осетии – 4,2 руб. [Там же]. Намечая программу экономического возрождения Южной Осетии, Пленум выдвинул лозунг: «Лицом к Осетии!». Казалось бы, что после столь самокритичной констатации фактов и принятия радикальных решений руководство Грузии должно было вплотную заняться проблемами экономического развития региона, искоренив при этом «дифференцированный» подход в решении проблем социально-экономического развития национальных меньшинств Грузии, и в том числе южных осетин. Но факты свидетельствуют об обратном. Июньский Пленум ЦК КП(б) Грузии в 1928 г. вынужден был вновь констатировать, что «по Юго-Осетии на душу населения отпускается 9 руб. 20 коп., а по Грузии без Тифлиса 15 руб.» [Там же, с. 3]. Поскольку Южная Осетия была наиболее отсталой областью в Грузии, Пленум принял решение «отпускать на нее средств больше». Однако оно мало что изменило к лучшему в экономике Южной Осетии. Не произошло положительных перемен со стороны республиканских властей к ней и в последующие годы. Руководители менялись, а положение оставалось прежним. Такое же отношение наблюдалось и в аграрном секторе экономики Южной Осетии.

Проводимая в 40-е гг. политика экономической дискриминации населения Южной Осетии продолжалась и даже усилилась в 50-е гг., о чем свидетельствуют следующие цифры: если до 1950 г. облагаемая площадь Южной Осетии определялась в 80 тыс. га, то с 1950 г. она возросла до 217 тыс. га. Это было достигнуто путем отнесения правительством Грузии к облагаемой площади Южной Осетии и тех зимних пастбищ, которыми пользовалась область в Ставропольском крае. Путем такой манипуляции резко повысились плановые задания животноводов Южной Осетии, которые практически невозможно было выполнить.

В отношении Южной Осетии республиканские власти практиковали «дифференцированный» подход в планировании народного хозяйства. Механизм такого подхода заключался в том, что план сдачи зерна устанавливался и тем горным районам, где пшеница никогда и не произрастала, или сдачи яиц для районов, в которых никогда не было никаких условий для развития птицеводства. Особенно четко «дифференцированный» подход руководства Грузии проявлялся при планировании народного хозяйства по районам республики. Так, план сдачи мяса с гектара облагаемой площади на 1951 г. был установлен: для Цхинвальского района – 11,9 кг, а соседнего Горийского – 8,6 кг, Джавского – 10,1 кг, соседнего же Казбекского – 7,6 кг, Знаурского – 11,7 кг, а соседнего Карельского – 9,4 кг, Ленингорского – 11,3 кг, соседнего же Душетского – 7,9 кг [Там же]. Подобная политика экономической дискриминации осетинского крестьянства привела к нищете и разорению сельского населения области.

В 70-80-е гг. XX в. как таковых изменений в социально-экономической сфере Юго-Осетии не произошло. Так, если расходная часть республиканского бюджета в XII пятилетке имела тенденцию к росту на уровне 7-8%, то в Юго-Осетии она практически была заморожена. Если в середине 1980-х гг. этот показатель составлял 96,4-95,9%, то в 1990 г. он составил 103,6% [3, д. 26, л. 16]. Причем замораживание бюджета происходило на фоне роста основных показателей хозяйственной деятельности Юго-Осетинской автономной области. В результате республиканской дискриминационной социально-экономической политики качество жизни в Юго-Осетии отставало от среднереспубликанского уровня в 2-2,5 раза; естественный прирост населения уменьшился в 2,2 раза. Фонды потребления основных продуктов питания в области были занижены по сравнению со среднереспубликанскими, несмотря на то что автономная область производила многие из них на уровне, превышающем среднереспубликанское производство (мясо – соответственно 27,8 и 19,5 кг, молоко – 88,9 и 56,6 кг) [Там же, л. 17].

С 1974 по 1988 г. под руководством ГССР было принято шесть постановлений по социально-экономическому и культурному развитию Юго-Осетинской автономной области. Характерной особенностью этих правительственных постановлений было то, что в каждое последующее постановление включались те же мероприятия, которые не были выполнены из предыдущего. Выполнению подлежали лишь те из них, которые не требовали вообще правительственного вмешательства [5, с. 87].

Не изменяется социально-экономическая политика Южной Осетии и в условиях «независимости» Грузии. 20 июня 1990 г. Верховный Совет ГССР принял концепцию экономической самостоятельности республики, в которой автономная область Южной Осетии не фигурировала вообще и была приравнена к исполкомам местных Советов [4, с. 109]. Согласно этой концепции Южная Осетия оставалась в прежнем социально-экономическом положении и переходила к территориальному хозрасчету не только без дополнительных инвестиций, как это предусмотрено было союзной концепцией, но и с продолжающимся изъятием ее доходов.

В результате окончательно закрепился комплекс «иждивенчества», культивирующийся в республике с момента образования Юго-Осетинской автономии с целью дискредитации ее сущности.

Аналогичная политика проводилась руководством Советской Грузии по отношению к Южной Осетии в области культуры и образования. В первой половине XX в. осуществлялась неприкрытая культурная дискриминация южных осетин, продолжающаяся вплоть до конца столетия. В конце 1930-х и в 1940-е годы грузинская элита осуществила в отношении Южной Осетии этнокультурную экспансию. Тому свидетельством поэтапно проведенная в Южной Осетии «школьная реформа». В 1939 г. Юго-Осетинская автономная область была переведена на грузинскую графику. До 1944 г. в общеобразовательных школах Южной Осетии обучение велось на осетинском и русском языках (не считая грузинских школ). По предписанию из республики 4 августа 1944 г. местные власти без учета мнения общественности автономной области с 1944-1945 учебного года обучение в средних и восьмилетних общеобразовательных школах области перевели на русский и грузинский языки, запретив тем самым преподавание на осетинском языке (родному языку осетинские дети могли учиться только в начальных классах) [6, с. 26]; преподавание на русском языке велось всего лишь в нескольких школах области. Такая политика грузинского руководства преследовала цели грузинизации и практической ассимиляции южных осетин; эти меры могли привести, без всякого сомнения, к открытому конфликту между двумя этносами, и в случае отсутствия регулирующей роли России он бы принял довольно крупные масштабы. И хотя все эти незаконные акции грузинского руководства были отменены после ареста Л. Берия, общий курс на насильственную ассимиляцию осетин сохранился, что в принципе послужит одной из причин грузино-осетинского конфликта 1989-1992 гг. [1, с. 7].

«Школьная реформа» 1944 г. способствовала оттоку учащихся-осетин. Так, из 30 учеников выпускного класса Кировской средней школы учебу окончить смогли только лишь 6 [3, д. 26, л. 17]. Уже в августе 1949 г. была проведена еще одна «реформа» школ Южной Осетии, согласно которой начиная с 1949-1950 учебного года весь учебный процесс, включая и начальные классы, был переведен на грузинский и русский языки, лишив тем самым осетин обучения на родном языке. На этом ущемление национальных прав осетин не прекратилось. В 1951 г. по указанию первого секретаря обкома партии А. Г. Имнадзе все делопроизводство в Южной Осетии было переведено на грузинский язык [Там же, л. 18]. Кроме того, была изъята вся литература на осетинском языке в педагогическом институте и зооветеринарном техникуме. Следует отметить и тот факт, что националистические позиции господствовали и в кадровой политике республиканских властей: из органов прокуратуры, милиции, судов, здравоохранения и других учреждений освобождались местные кадры. Аппарат этих отделов комплектовался приезжавшими из других районов Грузии работниками [Там же, л. 19].

Культурно-экономическая дискриминация южных осетин, граничащая с геноцидом, вынуждала их покидать землю предков, в поисках лучшей доли уходить за хребет на север. Миграция южных осетин в 40-50-е гг. XX в. приняла массовый характер. Обездоленные и разоренные крестьяне семьями, а то и целыми селениями перебирались в районы Северной Осетии. Миграционные процессы пагубно отразились на горных зонах Джавского, Цхинвальского, Знаурского и Ленингорского районов. Только за вторую половину 1944 г. из этих районов бежало 380 крестьянских дворов (это около 2199 человек). Весна 1945 г. была ознаменована новой волной миграции южных осетин на север. Всего в течение 1944-1945 гг. из районов Южной Осетии бежало 795 дворов в составе около 5000 человек [Там же, л. 264]. Многие села пришли в полное запустение. Несмотря на большие материальные лишения и трудности с обустройством в местах расселения на Северном Кавказе, которые испытывали югоосетинские беженцы, поток их не иссякал. С начала 1950 г. область вновь была охвачена волной миграционных процессов, в результате которой численность населения юга Осетии в 1951-1952 гг. сократилась на 9000 человек [4, с. 3].

Миграцию южных осетин официальные органы республики склонны были объяснять последствиями лишь «школьной реформы». Однако, как это было показано выше, не одна только она была причиной подобного явления. Отношение руководства Грузии к происходящему в Южной Осетии ясно выразил тогдашний первый секретарь ЦК КП Грузии А. Мгеладзе, который сказал: «Пусть кто хочет, тот и бежит!» [1, д. 26, л. 15]. Претворение в жизнь антиосетинской националистической политики Грузии не могло не вызвать протест общественности Южной Осетии. Так, интеллигенция, студенческая молодежь и т.д. в 1951 г. выступили против «школьной реформы». Властями Грузии это было расценено как проявление буржуазного национализма, и протестовавшие были арестованы. Позже тот же А. Мгеладзе в своей речи на XXV съезде Компартии Грузии заявил, что «одна часть интеллигенции Южной Осетии заражена буржуазным национализмом, и этот национализм надо выжечь каленым железом» [Там же, л. 23]. Политика республиканских властей в отношении национальных меньшинств Грузии, в том числе и южных осетин, вызвала обоснованную тревогу в ЦК КПСС, Президиум которого в июле 1956 г. принял специальное постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии». Были осуществлены кадровые перестановки (*только за 1950-1953 гг. сменились три первых секретаря ЦК КП Грузии – авт.*), что, безусловно, способствовало изменению отношения республиканских властей к Южной Осетии. Наступил конец многолетнему правлению автономной областью эмиссарами из Грузии, делались попытки восстановления доверия между грузинами и осетинами. Была реабилитирована группа осужденных интеллигентов, начали строиться предприятия, жилые дома, прокладывались дороги. Самое главное – была отменена «школьная реформа». Учитывая события 1918-1922 гг. – время, когда грузинское меньшевистское правительство начало борьбу против осетинского народа, – Южной Осетии вновь казалось, что это уже навсегда. Однако последующие события конца XX – начала XXI в. показали, что предвзятое отношение к южным осетинам все еще сохранилось.

Список литературы

1. **Грузино-осетинский конфликт: документы и материалы: 1989-1992** / сост. К. Кочиев. Владикавказ – Цхинвал, 1999. 146 с.
2. **Из истории взаимоотношений грузинского и осетинского народов:** заключение комиссии по изучению статуса Юго-Осетинской области / на груз. яз. Тбилиси: Цодна, 1991. 144 с.
3. **Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (ОРФ СОИГСИ).** Ф. Маргиева А. Г. Оп. 1. Т. I.
4. **Пухаев К. П.** К вопросу о геноциде // Южная Осетия. 2004. 28 августа.
5. **Региональные проблемы экономики (на примере Юго-Осетии).** Цхинвали: Иристон, 1981. 151 с.
6. **Сиукаев Н. В.** Две трагедии Южной Осетии. Владикавказ: СОГУ, 1994. 31 с.

SOUTH OSSETIA AS PART OF SOVIET GEORGIA**Ul'yana Shotaevna Tedeeva, Ph. D. in History***Department of Social-Economic Sciences**North Ossetia State Medical Academy**Tedeeva76@mail.ru*

The author considers the social, economic and cultural aspects of South Ossetia autonomous region development as a part of the Georgian Soviet Socialist Republic and conducts the analysis of the Georgian authorities' national policy within South Ossetia during the soviet period basing on previously unused sources, including archival ones.

Key words and phrases: Soviet Georgia; South Ossetia; policy of Georgia; social-economic development of South Ossetia; Georgian national minorities; South Ossetians' assimilation; economic discrimination; cultural discrimination.

УДК 94(470)“18/19”+377.5

Рецензируется монография историка, краеведа, доцента Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов Т. А. Магсумова «Средняя профессиональная школа Казани в конце XIX – начале XX века» (СПб.: Инфо-да, 2010. 302 с.). В ней на богатом документальном материале представлена целостная картина генезиса и эволюции системы среднего профессионального образования в до-революционной Казани. В книге впервые показаны обобщающие историко-социологические и политические портреты преподавателей и учащихся в контексте их повседневной жизни.

Ключевые слова и фразы: история образования; Казань; среднее профессиональное образование; историография.

Светлана Владимировна Титова, к. пед. н.*Кафедра менеджмента**Институт экономики, управления и права (филиал) в г. Набережные Челны**nabonid1@yandex.ru***СТАРАЯ НОВАЯ ШКОЛА©**

Современное российское общество переживает довольно сложный период в своем развитии. Одно из негативных последствий недавнего прошлого – разрушение системы среднего профессионального образования, продолжающее свое отрицательное воздействие до сих пор. К сожалению, произошло снижение престижа целого ряда профессий, налицо отсутствие интереса к учебному процессу, и, как следствие, дефицит кадров на предприятиях и учреждениях. Безусловно, восстановление системы профессионального образования является неотъемлемой частью современной образовательной реформы и курса на общую модернизацию социально-экономической сферы. В таких условиях огромное значение приобретает обращение к историческому опыту.

Рубеж веков – традиционно в чем-то особый период в истории нашей страны: уходит старое, появляется новое, с особой остротой встают нерешенные проблемы и постепенно намечаются пути их разрешения. В результате накапливается тот самый опыт, который позволяет избежать ошибок. Для этого необходимо всестороннее рассмотрение накопленного опыта и широкое использование его на практике в современных условиях.

Исходя из вышеизложенного, можно приветствовать стремление Тимура Альбертовича Магсумова обратиться к такой сложной проблеме как состояние среднего профессионального образования на рубеже XIX-XX веков [8]. Это свидетельствует о его осмыслении значения и роли исследования и распространения исторического опыта в деле модернизации современной системы образования. Хочется обратить внимание на то, что представленная работа носит междисциплинарный характер. Использование исторических, педагогических, психологических, правовых и экономических подходов и методов обогащает исследование, делает его более глубоким и основательным.